

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Воробьиный царь

«Public Domain»

1923

Куприн А. И.

Воробьиный царь / А. И. Куприн — «Public Domain», 1923

«Жил-был на свете поэт. А что он был поэт, все узнавали издали, когда видели его черную шляпу с большими полями, длинные волосы до плеч, бархатную коричневую куртку, галстук белой бабочкой и толстый бумажный сверток под мышкой. В свертке были все стихи. Иногда поэт читал их вслух своим знакомым, и тогда уже никому не позволялось ни шептаться, ни сморкаться, ни чихать, ни кашлять, а жена поэта торопливо вытаскивала у гостей изо ртов папиросы и бросала в пепельницы. Если кто-нибудь подымал руку, чтобы почесать нос, то поэт поверх очков стрелял в него таким быстрым и сердитым взглядом, что неосторожный съеживался и прятался за спину того, кто сидел впереди...»

© Куприн А. И., 1923

© Public Domain, 1923

Александр Иванович Куприн

Воробьиный царь

Жил-был на свете поэт. А что он был поэт, все узнавали издали, когда видели его черную шляпу с большими полями, длинные волосы до плеч, бархатную коричневую куртку, галстук белой бабочкой и толстый бумажный сверток под мышкой. В свертке были все стихи. Иногда поэт читал их вслух своим знакомым, и тогда уже никому не позволялось ни шептаться, ни сморкаться, ни чихать, ни кашлять, а жена поэта торопливо вытаскивала у гостей изо рта папиросы и бросала в пепельницы. Если кто-нибудь подымал руку, чтобы почесать нос, то поэт поверх очков стрелял в него таким быстрым и сердитым взглядом, что неосторожный съеживался и прятался за спину того, кто сидел впереди.

У поэта был домик, а при домике садик: всего одна березовая аллея. Также было у него очень много разных птиц: чижи, канарейки, скворцы, малиновки, овсянки, дрозды, клесты, пеночки, синички и еще другие, не считая сороки и попугая. Поэт прилежно о них заботился. Знакомые говорили: «Как он любит своих птичек! Сразу видно доброе сердце».

Зимой птицы помещались в клетках, которые стояли и висели на окнах, чтобы было больше света. Летом же, в хорошую погоду, поэт выносил клетки с птицами в сад и развешивал их вдоль аллеи, на березовых пахучих ветках. «Пусть, – думал он, – птички порадуются солнцу и зелени на свежем воздухе...» А сам ходил взад и вперед по дорожке и любовался «своими маленькими пернатыми друзьями». Так он называл своих птиц, когда с гордостью показывал их знакомым. «Это все мои младшие братья и сестры», – говорил он.

Вот так-то однажды в июле развешал он своих маленьких пернатых братьев и друзей по ароматным веткам, среди зелени блестящих, суевливых листьев, походил-походил по дорожке, послушал птичий свист, щебет и чириканье и, наконец, сел на зеленую скамеечку. Сел и задумался. Надо ему было для новых стихов отыскать рифмы на два слова: парень и Федор. На Федор вот уже третий день ничего не выходило, а на парень подобралось только слово – «жарень». Но существует ли такое слово, поэт не знал и поэтому спрашивал сам себя: можно ли про знойный летний день выразиться: «Стояла такая жарень»? Не заключает ли его критика?

Он так глубоко погрузился в свои размышления, что когда ему захотелось курить и он, полезши левой рукой в карман за портсигаром, невольно должен был обернуться налево, – то даже испугался и довольно громко вскрикнул. Рядом с ним, всего в аршине, сидел на его скамейке древний, маленький, сгорбленный старикашка и тихо смотрел на него. На старичке было серое ветхое пальто со старомодными крылатыми рукавами, а на голове что-то такое же серое, старинное и с кисточкой: не то башлык, не то капюшон, не то надетый глубоко, по самые уши, колпак. Из колпака же выглядывало крошечное личико, все состоявшее из мелких перепутанных морщин, скорее доброе, чем злое, и от старости почти безволосое, так кое-где торчали реденькие белые прядки. Нос повис вниз крючком, острый подбородок посунулся вперед и вверх, а между ними запал внутрь беззубый рот. Но глаза у старичка были блестящие, зоркие и быстрые, как у воробья, а вокруг губ играла приветливая и немножко лукавая улыбка.

– Простите, я вас потревожил, – сказал старикашка. Голос у него был слабенький, тонкий и глухой. – Устал я... Думал – посижу, отдохну.

– Что же. Отдохните, – позволил поэт не особенно любезно. – Места не просидите. Старичок засмеялся из своего башлыка. Смех у него был тоже слабенький, но очень приятный, а лицо сделалось просто прелесть какое доброе и привлекательное.

– Хе-хе-хе... Как это вы остро изволили выразиться. Бойкая теперь молодежь пошла.

– Да, нам пальца в рот не клади, – сказал писатель басом и зажег спичку. – Не хотите ли покурить?

Старичок слегка отмахнулся малюсенькой худой ручкой от табачного дыма и ответил вежливо:

– Благодарствуйте. Не имею привычки. Не вижу толку в этом занятии.

Поэт скосил на него левый глаз:

– Но как же это вы так незаметно подошли, что я вас не услышал?

– Да ведь посмотрите сами, какой я легонький. Нечто вроде тени. Вы же замечаться изволили, парили в облаках... Извините за нескромный вопрос: изволите быть поэт?

– Гм... А хотя бы? – сказал поэт, снял шляпу и потрянул длинными волосами.

– Так, так, так... Возвышенное занятие. – Старичок поднял голову и, не торопясь, обвел взглядом деревья. – А это что же у вас тут? Птички?

– Слоны, – сказал поэт. Старикашка опять засмеялся приятно:

– Хе-хе-хе!.. Поистине находчивый ум! Слоны! Конечно, если всякому видно, что это птички, то вопрос мой был наивен и напрасен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.